

На Руси (Душа народа). Художник М.В. Нестеров. 1915–1916.

УДК 1(47)

**Нижников С.А.*,
Гребешев И.В.****

С.А. Нижников

И.В. Гребешев

О сущности и специфике русской философии

*Нижников Сергей Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры истории философии Российского университета дружбы народов (Москва)

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0001-5597-1785>

E-mail: sergey-a-nizhnikov@j-spacetime.com; nizhnikovs@mail.ru

**Гребешев Игорь Владимирович, доктор философских наук, профессор кафедры истории философии Российского университета дружбы народов (Москва)

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-8185-511X>

E-mail: alexey-a-lagunov@j-spacetime.com; emailag@mail.ru

В статье вскрываются специфические черты русской философии (кардиоогностичность, метафизичность, социально-этическая озабоченность, софийность, историософичность и др.), обосновываются методологические принципы ее изучения, прослеживаются предпосылки развития и различные влияния на русскую культуру и философию. Вскрываются противоречия и намечаются пути дальнейшего развития как на почве традиции русской философии (всеединство, софиология, имяславие, метафизика веры), так и в качестве элемента всеобщего историко-философского процесса и развития духовной культуры.

Ключевые слова: всеединство; имяславие; кардиоогностия; космизм; метафизика веры; моральность; соборность; софиология; экзистенциальность; эсхатология.

Изучение истории русской философии в современном глобализирующемся мире не только не утрачивает своего значения, но, напротив, приобретает особую актуальность и остроту. Колоссальные научные и технологические достижения человечества открывают принципиально новые возможности для человеческой активности в природе и в истории и в этом смысле радикально расширяют пределы сво-

боды человека. Но в русле этих же достижений человек сталкивается и с новыми вызовами, с невиданными в прежние исторические эпохи угрозами своей свободе. «Информационное общество» – это далеко не «скачок в царство свободы» или, как сказал бы Н. Бердяев, «осуществленная утопия». Традиционные технологии идеологического и социального порабощения индивида кажутся полнейшей архаикой в сопоставлении с новейшими способами манипулирования массовым и индивидуальным сознанием.

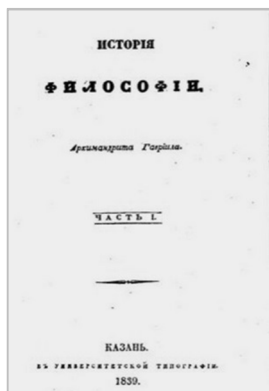
На протяжении, по крайней мере, двух последних столетий наиболее глубокие мыслители в России предупреждали об иллюзорности веры в автоматизм цивилизационного прогресса, решающего все проблемы и обеспечивающего человечеству «светлое будущее». Одновременно рассматривалась задача философского оправдания суверенности личности, непреходящей ценности личностного бытия, вне которого невозможен никакой подлинный прогресс. То, что было написано о «рабстве и свободе человека» (Н. Бердяев), в настоящее время представляет не только историко-философский интерес. Не вызывает сомнений, например, интеллектуальная и в существенной мере прогностическая ценность бердяевской апологии экзистенциального опыта личности, творчески противостоящей все новым и новым формам «объективации», угрожающей самим основам человеческой идентичности как разумного и свободного существа. Не менее важно и то, что было сказано Г. Федотовым о личностном характере культурной традиции, о том, что «трагедия культуры», разрушение ее ценностных оснований в технологически организованном цивилизационном пространстве неотвратимо оборачивается ее глубочайшим кризисом.

В русской философии встречаются культуры Запада и Востока, и мыслители в России, что особенно характерно для последних веков, синтезируют это многообразие философских и духовных течений и достижений. И в этом отношении русская философия также впитала в себя разнородные духовные и интеллектуальные влияния, стремясь достичь синтеза. Основных таких влияний было три: восточно-христианская духовная традиция, новоевропейский рационализм и западная пантеистическая мистика. В зависимости от того, какая традиция оказывала на того или иного мыслителя большее влияние, определялось и его философское мировоззрение, метод построения философии и само ее понимание.

Без метафизики нет философии, есть лишь неопределенная любовь к чему-то туманному, определяемому как мудрость. Или философия вовсе вырождается в различные виды позитивизма, сциентизма и постмодернизм, которые сегодня празднуют свою пиррову победу. Метафизика есть учение о первоначале всего сущего и его конечных судьбах, поэтому в ее лоне с неизбежностью возникают как ее подразделы эсхатология и сотериология, софиология и имяславие, метафизика веры и персонализм, философия воспитания и образования, историософия и философия политики. Именно эти направления получили наиболее глубокую разработку в русской мысли. Тем не менее, к концу XIX в. возобладало мнение, что в России вообще нет философии, что «русский ум не расположен к философским мудрованиям», а начатки философской культуры всецело были привнесены с Запада, то есть заимствованы¹. В таком состоянии «невегласия» русская мысль пребывала до середины XIX в.

Архимандрит Гавриил (в миру Василий Николаевич Воскресенский, 1795–1868). Гравюра 1830-х гг.

Титульный лист первого издания первой части «Истории философии» архим. Гавриила (Казань, 1839)

Еще долгое время исследователи не могли осознать русскую философию как особый феномен, уникальное явление, ускользавшее от слишком прямолинейных сравнений с западной схоластической, возрожденческой или новоевропейской философией. Хотя уже в 1839 г. вышла книга архимандрита Гавриила (В.Н. Воскресенского), где он впервые в историографии русской философии попытался начать отсчет истории русской философии не с XVIII, а с XI–XII вв. Им была высказана здравая мысль:

«Каждый народ имеет свой особенный характер, отличающий его от других народов, и свою философию, более или менее наукообразную или, по крайней мере, рассеянную в преданиях, повестях, нравоучениях, стихотворениях и религии»².

Уже он отметил практический характер древнерусской мудрости, ее тяготение к художественному выражению идей, к живому образному слову. Тем

¹ Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г.: Очерки истории русской философии. Свердловск, 1991. С. 255–256.

² Архимандрит Гавриил (В.Н. Воскресенский). Русская философия // История философии архимандрита Гавриила. Ч. VI. М.: РУДН, 2005. С. 21.

не менее, специальных исследований по древнерусской философии не было до конца XIX в.

В.В. Зеньковский в своей двухтомной «Истории русской философии» пытался реконструировать историю отечественной мысли через «схему секуляризации», что позволило включить в нее то, что ранее выпадало из поля зрения исследователей, прежде всего обширный пласт культурно-религиозной проблематики.

«У философии, – считает Зеньковский, – не один, а несколько корней... Философия есть там, где есть искание единства духовной жизни на путях ее рационализации». Вместе с тем он полагал, что самостоятельное творчество в области философии, его начатки в России можно обнаружить лишь со второй половины XVIII века¹.

Василий Васильевич Зеньковский (1881–1962). Фото середины XX в.

Титульный лист первого издания первого тома «Истории русской философии» В.В. Зеньковского (Париж, YMCA Press, 1948)

Согласно Зеньковскому,

«русская философия в такой же мере “служанка” православия, в какой философские доктрины Э.Жильсона и Ж. Маритена “обслуживают” католицизм, а К. Барта или П. Тиллиха – протестантскую религию. <...> Религиозное сознание, – считает Зеньковский, – если оно оплодотворяет все силы духа, неизбежно и неизменно порождает философское творчество, и вовсе не нужно при этом думать, что философская мысль всегда и всюду рождается из сомнения»².

Между тем, М.А. Маслин указывает, что существует «разрыв между реальным существованием русской философской мысли, восходящей ко времени Крещения Руси, и ее осмыслением»³, что привело к ряду предубеждений относительно начала русской философии, которые разделял даже В.В. Зеньковский.

«В настоящее время, – делает вывод Маслин, – включение периода XI–XVII веков в общий контекст развития отечественной мысли является обязательным элементом научного истолкования русской философии, претендующего на полноту, объективность и целостность. Иные точки зрения, ограничивающие ее бытие последними двумя столетиями или ведущие разговор о существовании русской философии со времен славянофильско-западнических дискуссий, следует считать вышедшими из научного употребления. Рецидивы их периодического появления в современной литературе являются результатами субъективистских установок, формирующихся до начала научного исследования»⁴.

Согласно В.Ф. Эрну, русская мысль «существенно оригинальна», так как

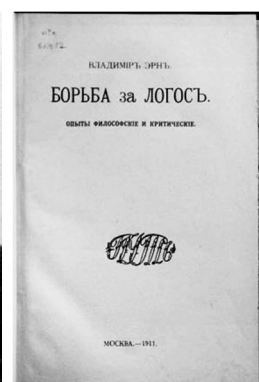
«трех основным чертам новой европейской философии: рационализму, меонизму, имперсонализму – восточнохристианское умозрение противопоставляет логизм, онтологизм и существенный всесторонний персонализм»⁵.

Исходя из этого, Эрн приходит к спорному выводу, что

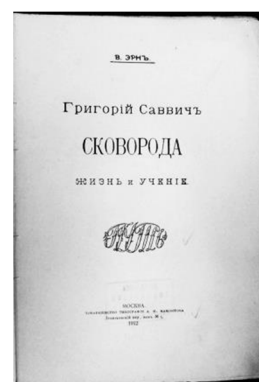
«... неоригинальные направления русской мысли (материализм, позитивизм, теперь неокантианство), будучи страстными отголосками западноевропейских философских настроений, каким-то роком обречены на фатальное бес-

Владимир Францевич Эрн (1882–1917). Фото 1910-х гг.

Титульные листы первых изданий работ В.Ф. Эрна «Борьба за Логос» (слева) и «Григорий Сковорода. Жизнь и учение» (справа) (М., «Путь», 1911 и 1912)

¹ Зеньковский В.В. История русской философии. В 2 т. Л., 1991. Т. I. Ч. 1. С. 14, 11.

² Там же. С. 7, 11–12.

³ Маслин М.А. Предубеждения и штампы в истории русской философии // Вестник ВятГГУ. 2010. № 4(4). С. 6.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Эрн В.Ф. Григорий Саввич Сковорода, жизнь и учение. М., 1912. С. 22.

плодие и невозможность чего-нибудь *творчески* порождать. Русская мысль бессильна творить в меонической атмосфере западноевропейского рационализма...»¹.

Семен Людвигович Франк (1877–1950). Справа – Н.А. Бердяев и С.Л. Франк на съезде Русского студенческого христианского движения в Саароне. Фото 1923 г.

С этими суждениями, конечно, не все были согласны, и прежде всего С.Л. Франк, вступивший с Эрном в полемику.

Исходное, приписываемое еще Пифагору представление о философии как о любви к мудрости (старославянская калька – «любо-мудрие»), содержащееся в самом термине «философия», вполне соответствует ее пониманию в русской мысли. В древнерусской духовной культуре на первое место выступает нравственно-эстетический аспект, а не формально-логический, доминирующий в современном сознании.

«Мудрость прекрасна, она достойна восхищения, преклонения и любви (в духе плато-

новского эроса) – так мыслили древнерусские люди, и мы не можем игнорировать подобное их представление о философии»².

Интересному анализу русская философская мысль была подвергнута отечественными мыслителями-метафизиками начала XX в. Среди них видное место занимает С.Л. Франк. В докладе, прочитанном на немецком языке в 1925 г. в Берлине и получившем название «Русское мировоззрение»³, он выделяет следующие черты отечественного типа мышления: преобладание интуитивизма, «стремление к позитивному, религиозно-метафизическому мировоззрению»; тяга к реализму, онтологизму, «предубеждение против индивидуализма и приверженность к определенному рода духовному коллективизму», соборности. Свойства русского онтологизма – «познание через переживание», стремление к целостности, к последней высшей ценности; поиски всеединства на фоне антропоцентризма и в рамках теоцентризма; историософичность – постоянное обращение к вопросам о смысле истории, эсхатологичность, панморализм, социологизм, литературоцентризм и др. Вместе с тем, Франк утверждает, что «русский дух решительно эмпиричен: критерий истины для него – всегда в конечном счете опыт», однако в основе всего русского мышления лежит особое понимание опыта, что привело к «самобытной национальной русской теории познания, совершенно неизвестной Западу»⁴.

Теория познания в России органически вырастает из метафизики. П.А. Флоренский в работе «К почести вышнего звания» (1906) отмечает:

Павел Александрович Флоренский (1882–1937). Фото 1908 г.

«Наши философы стремятся быть не столько *умными*, как *мудрыми*, не столько *мыслителями*, как *мудрецами*. <...> Стремление нравственное, сознание религиозное... одним словом, – жизнь вне кабинета только и представляется нам жизнью до-дна серьезною, всецело достойною. <...> Стремление к абсолютности неразрывно связано с русским духом. Если оно не находит себе выхода в религии, то делается разрушительною силою в других сферах деятельности, и конечные формы разрываются под напором бесконечного стремления. Научное, условное, полезное не удовлетворяет русский дух...»

Античный идеал *мудреца*, получивший свое высшее раскрытие в святоотеческом представлении о *монахе* как христианском философе, нашел себе лучшую почву в России, «тут идеал философа-монаха, созерцателя-аскета, гностика акклиматизировался и дал сочные всходы»⁵. Молитва становится «методом философствования», делающегося возможным лишь

после подготовки разума аскетикой. Многим отечественным мыслителям свойственно соединение научных устремлений с аскетикой и библейскими размышлениями.

¹ Эрн В.Ф. Основной характер русской философской мысли и метод ее изучения // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге: В 3 т. М., 2009. Т. 2. С. 172, 186.

² Громов М.Н., Козлов Н.С. Русская философская мысль X–XVII веков. М., 1990. С. 25.

³ Frank S. "Wesen und Richtlinien der russischen Philosophie." *Der Gral. Monatsschrift für schöne Literatur. Sonderheft. Russische Kunst und Kulturfragen* 19 (1925): 384–394.

⁴ Франк С.Л. Русское мировоззрение // Духовные основы общества. М., 1992. С. 476–477.

⁵ Флоренский П.А. К почести вышнего знания // Сочинения: В 4 т. М., 1994. Т. 1. С. 207–209.

Н.А. Бердяев в «Русской идее» (1946), отталкиваясь во многом от Достоевского, выделял такие черты русского сознания, как поляризованность, мессианиззм, преобладание дионисийского начала над аполлоновским. По Бердяеву, «свойства русского национального духа указывают на то, что мы призваны творить в области религиозной философии»¹. Однако «читаются и воспринимаются легко в основном социально-критические идеи, а метафизика русских мыслителей по-прежнему остается мало известной массовому читателю»². Между тем, в России глубокая мысль развивалась именно в русле метафизики, когда, по словам Достоевского, «не надобно миллионов, а надобно мысль разрешить»³.

Г.П. Федотов говорит об особенностях межличностных отношений в России, удивительной их мягкости и легкости, ибо «здесь нет чужих», а «наши величайшие люди сродни последнему мужику “темной” деревни»⁴. Однако при всем многообразии оценок и черт отечественные философы-метафизики были едины в том, что утрата веры порождает общественный недуг, ведет к культурному кризису.

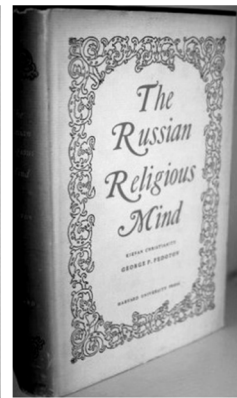
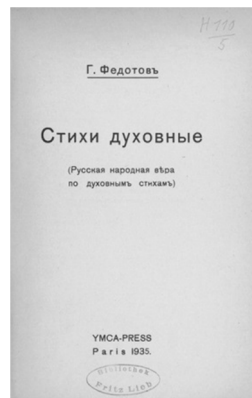
Русские философы исходят из холистического понятия действительности — как «...целостности, синтетического единства всех сторон реальности...»⁵. При этом одной из характерных черт отечественной мысли является ее этико-метафизическая направленность. В новоевропейской философии разум и мораль отождествляются. Русская философия выработала свои критерии определения духовного познания и морали, не сводимые к рассудку. Вслед за славянофилами В.И. Несмелов и другие представители русской философии выступали против «самозакония» и автономии разума, полагая, что нельзя отождествлять разумность поступка и его нравственное достоинство, смешивать понятия *разумный* и *нравственно-добрый*. Ведь можно совершить очень хитрый самый недостойный поступок.

Сократ учил, что благо человека надо искать в самом человеке. Несмелов в своем труде «Наука о человеке» (1906) также отмечал, что если «люди ищут блага вне себя самих, то они ошибаются, и если они признают средства жизни за конечную цель ее, то они обольщаются»⁶, ибо за все сокровища мира нельзя купить то, что составляет человека, то, что в сущности и есть человек — живого человеческого духа, который, собственно, и должен стать предметом изучения. Несмелов утверждал, что философия возникает из потребностей жизни, а человек — единственная абсолютная ценность в мире. Если бы люди осознали это, то всеми силами стали бы стремиться к развитию своей собственной природы.

Для живой нравственности, метафорически иллюстрирует свои рассуждения П.Д. Юркевич, требуется свечильник и елей, ибо «по мере того, как в сердце че-

Георгий Петрович Федотов (1886–1951)

Слева — титульный лист первого издания «Стихов духовных» Г.П. Федотова (Париж, YMCA-Press, 1935); справа — обложка первого издания первого тома «Русское религиозное сознание» (Russian Religious Mind, издание Гарвардского университета, 1946)

Виктор Иванович Несмелов (1863–1937)

Титульный лист второго издания второго тома «Науки о человеке» В.И. Несмелова (Казань, 1906)

¹ Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 23. (Примечание).

² Некрасова Е.Н. Живая истина. Метафизика человеческого бытия в русской религиозной философии XX века. М.: Мартис, 1997. С. 7.

³ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Собрание сочинений: В 15 т. Т. 9. Л.: Наука, 1991. С. 105.

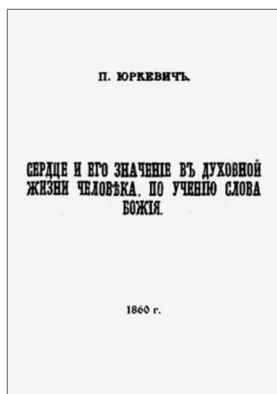
⁴ Федотов Г.В. Лицо России // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 134.

⁵ Там же. С. 16–17.

⁶ Несмелов В.И. Наука о человеке. Т. 2. Казань, 1906. С. 2.

Памфил Данилович
Юркевич (1826–1824).

Титульный лист первого
издания работы П.Д. Юр-
кевича «Сердце и его зна-
чение в духовной жизни
человека, по учению слова
Божия» (Киев, 1860)

ловека иссякает елей любви, светильник гаснет: нравственные начала и идеи потемняются»¹. Соотношение между светильником и елеем выражает соотношение между головой и сердцем.

Опираясь на сказанное, М.Н. Громов определяет кардиогносию как сущностную черту отечественного философствования, «ибо в нем тема *любви и сердца* занимает особое место»:

«Разум как соединяющий иррациональную глубину и рациональную структуризацию призван сочетать их в должной гармонии, памятуя о первичности сердца и вторичности рассудка. Разум, опирающийся на сердце, подлинно плодоносен, опирающийся же преимущественно на рассудок – способен к формально упорядочивающей, по своему полезной, но творчески скудной и не несущей мощных импульсов деятельности.

Систематизация и формализация суть заключительная стадия развития мысли, за которой следуют ее окаменение и стагнация. Рождение мысли связано с сердцем, страстью, преодолением инерции, победой жизни. Это всегда прорыв в новое, что неосуществимо рассудочным путем»².

Это позволяет выделить такие характерные черты русской философии, как исповедальность, эмоционально-взволнованный характер изложения мыслей, экзистенциальность.

Отечественные философы не верили в автоматическую нравственность и просветительский прогрессизм. Так, в «Повести об антихристе» Вл. Соловьев пророчествует торжество добра не благодаря так называемому «разумному эгоизму», а вопреки ему и через борьбу со злом. Переход к нравственному порядку он связывает не с односторонне-интеллектуальным просвещением, индивидуализирующим, обособляющим и разделяющим членов общества, а с духовным преображением, и не отдельных индивидов только, а общества в целом. Если положительные науки привели к несомненным и огромным результатам, то метафизика, казалось бы, не дала ничего прочного. И все же она в каком-то смысле важнее и значительнее положительных наук. Неудачные попытки продвинуться в область непостижимого ценнее удачных попыток изучить то, что лежит на виду и при некоторой настойчивости открывается всем. Метафизика не открывает принудительных истин, но по своей природе она не должна их давать. Метафизика имеет дело с тайнами. И именно в отечественной философии мы видим расцвет высокой метафизики и вытекающей из нее этики.

Метафизика есть сердцевина, основа философии. Так, М. Хайдеггер рассматривает философию как то, что «приводит в движение метафизику, в которой философия приходит к себе самой и к своим настоящим задачам». Хайдеггер называет метафизику корнем философии, на котором держится ее древо и из которого оно питается: «древо философии вырастает из корневой почвы метафизики»³. Сама же метафизика должна покоиться в истине бытия. Хотя у Юма, например, метафизика как самостоятельная доктрина вообще отсутствует, у Канта она противопоставляется «догматизму», т.е. традиционно понимаемой метафизике. Гегель, признавая метафизическую истину, понимал ее не как состояние, а как процесс. И лишь у Хайдеггера в его «фундаментальной онтологии» метафизике возвращаются изначальные характеристики, выработанные еще в ранней античной философии. Одной из важнейших среди них является трансценденция. Русская философия с момента своего возникновения и в процессе всего развития сохраняла в себе и развивала свою сущность – высокую метафизику.

Сегодня углубленное изучение истории отечественной философии требует перехода от накопления и осмысления эмпирического историко-философского материала к выявлению парадигмальных концептов, без фиксации и исследования которых невозможно представить и теоретически обосновать специфику русской философии и обозначить ее место в мировом историко-философском процессе. Метафизика, на взгляд авторов, как раз и представляет собой одну из таких

¹ Юркевич П.Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению слова Божия // Юркевич П.Д. Философские произведения. М.: Правда, 1990. С. 101.

² Громов М.Н. Типология русской философии // История философии. М., 2001. С. 23, 29.

³ Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Время и бытие. М., 1993. С. 26, 27.

парадигм мышления, в которой просматриваются предпосылки, побудительные мотивы и целевые интенции русской философской классики. Сегодня осмысление метафизики является необходимым элементом создания «интегральной концепции русской философии»¹, направленной на осмысление отечественной мысли как целостного в своем многообразии феномена.

Русская философия стремилась определить понятие метафизики веры, очертить его границы, искала онтологические основания веры, пыталась решить проблемы трансцендентизма, пантеизма, платонизма и софиологии, соотношения веры и знания и т.д. Рассмотрение указанных вопросов под углом зрения формирования метафизики веры позволяет определить направленность их решения, исходные интуиции, лежащие в их основе.

Обращение к метафизике не только проясняет отечественные духовно-философские истоки, но позволяет обнаружить и противоречия, которых не избежала русская философия конца XIX и начала XX веков. Историческая дистанция позволяет сейчас осуществить критический анализ мыслительных поисков Серебряного века. Именно «сегодня явно недостает *проблемного анализа* творчества русских мыслителей, такого анализа, который мог бы дать ключ к решению сегодняшних вопросов, возникающих в сфере онтологии, теории познания, логики...»². Проблемный подход сейчас актуален в силу того, что он в наибольшей степени помогает отделить ценное и непреходящее в работах русских философов от того, что в них порождено злобой дня, пристрастиями и увлечениями. Анализ отечественной метафизики помогает актуализировать проблемный состав русской философии, определить основные парадигмы ее развития.

При постановке и тем более разрешении этой проблемы обнаруживаются противоположные точки зрения. Согласно одной из них, метафизика рассматривается как синоним фантазий, может быть, и полезных, но не имеющих онтологических оснований (Кант, позитивизм). Согласно другой, метафизика фактически отождествляется с религией. Если первая позиция совершенно несостоятельна, то вторая – ограничена. Метафизика всегда была учением об основаниях и конечных судьбах сущего. Она есть учение о сверхсущем, и с этой точки зрения не столь важно, в какой сфере реализуются метафизические идеи – в сфере философского дискурса или веры: метафизика присутствует и в первом, и во втором случае. Метафизика разворачивается как в лоне религии (откровение о *теосе*), так и в лоне философии (откровение о *логосе*). Методы этих типов откровения различны, хотя степень этого различия установить очень сложно. Но тем не менее можно сказать, что религия использует феномен *веры* и религиозных символов, в то время как философия – феномен *мысли*, утверждающий и раскрывающий себя в понятиях. Русская метафизическая мысль стремится снять эти противоречия, чтобы, сохраняя веру, сохранить и язык понятий. Она есть осмысление и осуществление духовного познания, основанного на вере. Метафизика, разрабатывавшаяся в лоне русской философии, была направлена как на осмысление духовного опыта традиции, так и спасение философии от участи стать служанкой теологии. Метафизика демифологизирует и углубляет понятие веры, поэтому *вера* в метафизике не тождественна *вере* в религии, хотя и не отрицает ее, а может вбирать в себя.

Каждая культура имеет в своей основе некоторые метафизические установки («архетипы»), которые принимаются аксиоматично («на веру»). Их выявление открывает путь для установления действительного глубинного диалога культур, снятия конфронтационности, разворачивания единого духовного архетипа человечества (Истины, Добра и Красоты, объединенных Любовью), проявляющегося специфическим образом во всех культурах человечества. Универсальное проявляет себя особым образом, используя различные языки и духовную символику.

Вместе с тем развитие философии в России шло по пути снятия жесткого средневекового противопоставления земного и небесного, трансцендентного и имманентного. В связи с этим в русской философии остро встали проблемы пантеизма и трансцендентизма, соотношения веры и знания, метафизики и онтологии, религии и философии. Решая эти проблемы, мыслители России пошли по пути выработки философии всеединства, общепризнанным родоначальником которой по праву считается Вл. Соловьев. Последующая метафизическая мысль искала пути решения указанных проблем через построение софиологии, имяславия и симвонологии.

Поиск и постижение собственной идентичности – насущная задача современной философской культуры в России. Обозначение линии, демаркирующей (и связывающей) «свое» и «заимствованное» в русской философии, представляется необходимым условием, без которого преждевременно говорить о ее самоопределении и месте в мировом историко-философском процессе. Вне этого

¹ См.: Маслин М.А. Интегральная история русской философии // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия. В 3 т. Т. 2. Ростов н/Д, 2002. С. 95.

² Гайденок П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М., 2001. С. 12.

условия духовное событие русской философии неизбежно будет сводиться к эмпирическому понятию философии в России.

Специфика русской философской рациональности, признаки ее «тождественности» и «самости» достаточно освещены в философской историографии и закреплены в таких известных и общепринятых универсалиях, как космизм, соборность, эсхатологизм, метаисторичность и др. Эти универсалии верно и убедительно передают характерный для русской философии опыт самосознания. И все же самобытный образ русской философской ментальности еще далек от законченности и теоретической достоверности. Философема *Софии* и *софийного гносиса* обладает бесспорным конститутивным преимуществом. Она определяет рапсодический стиль русского мировоззрения, его образотворческий акт и эсхатологический пафос; вокруг нее центрируется и на ее фоне в русском варианте разворачивается традиционная антропокосмическая проблематика; через нее осуществляется сближение и софийное примирение непосредственного и опосредованного знания, теоретической и ценностной рациональности. Без историко-философского анализа истолкования символики Софии образ русской философской идентичности лишается как своего метафизического содержания, так и своей выразительности.

Согласно М.А. Маслину, «русская философия в ее развитии показывает, что основные проблемы мировой философии являются ее проблемами и что она открыта к наследию мировых философских традиций»¹. Русская философия, таким образом, не замкнута на этноязыковые особенности, территорию и государственность, а обращена к всеобщему.

ЛИТЕРАТУРА

- Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. СПб, 1909. С. 5–26.
- Гайденко П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
- Громов М.Н. Типология русской философии // История философии. М.: Феноменология-Герменевтика, 2001. С. 10–43.
- Громов М.Н., Козлов Н.С. Русская философская мысль X–XVII веков. М.: Изд-во МГУ, 1990.
- Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Собрание сочинений: В 15 т. Т. 9. Л.: Наука, 1991.
- Зеньковский В.В. История русской философии: В 2 т. Т. I. Ч. 1. Л.: ЭГО, 1991.
- Маслин М.А. Единство и многообразие русской философии // Русская философия: Энциклопедия. М.: Книготек, 2014. С. 533–538.
- Маслин М.А. Интегральная история русской философии // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: Материалы Третьего Российского философского конгресса: В 3 т. Т. 2. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2002. С. 95–96.
- Маслин М.А. Предубеждения и штампы в истории русской философии // Вестник ВятГГУ. 2010. № 4(4) С. 6–11.
- Некрасова Е.Н. Живая истина. Метафизика человеческого бытия в русской религиозной философии XX века. М.: Мартис, 1997.
- Несмелов В.И. Наука о человеке. Т. 2. Казань, 1906.
- Федотов Г.В. Лицо России // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 131–136.
- Флоренский П.А. К почести высшего знания // Сочинения. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1994. С. 205–226.
- Франк С.Л. Русское мировоззрение // Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 471–500.
- Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 16–26.
- Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г.: Очерки истории русской философии. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. С. 217–578.
- Эрн В.Ф. Григорий Саввич Сковорода, жизнь и учение. М.: Путь, 1912.
- Эрн В.Ф. Основной характер русской философской мысли и метод ее изучения // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге: В 3 т. Т. 2. М.: Русский путь, 2009. С. 172–191.
- Юркевич П.Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению слова Божия // Юркевич П.Д. Философские произведения. М.: Правда, 1990. С. 69–103.
- Frank S. "Wesen und Richtlinien der russischen Philosophie." *Der Gral. Monatsschrift für schöne Literatur. Sonderheft. Russische Kunst und Kulturfragen* 19 (1925): 384–394.
- Hamburg G.M., Poole R.A., eds. *A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity*. New York: Cambridge University Press, 2010.
- Krocak J. "Palamas and Florensky: The Metaphysics of the Heart in Patristic and Russian Philosophical Tradition." *Studia Ceranea* 3 (2013): 69–82. PDF-file. <<http://dspace.uni.lodz.pl/xmlui/bitstream/handle/11089/5371/Krocak.pdf?sequence=1&isAllowed=y>>.
- Nichols A. "Wisdom from Above? The Sophiology of Father Sergius Bulgakov." *New Blackfriars* 85.1000 (2004): 598–613.
- Scanlan J.P. "A.F. Losev and Mysticism in Russian Philosophy." *Studies in East European Thought* 46.4 (1994): 263–286.
- Stöckl K. "Modernity and Its Critique in 20th-Century Russian Orthodox Thought." *Studies in East European Thought* 58.4 (2006): 243–269.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Нижников, С.А., Гребешев, И. В. Московское общество испытателей природы: 210 лет в истории российской науки / С.А. Нижников, И.В. Гребешев // Пространство и Время. — 2016. — № 1–2(23–24). — С. 159–166. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271prov_r_st1_2-23_24.2016.81.

¹Маслин М.А. Единство и многообразие русской философии // Русская философия: Энциклопедия. М., 2014. С. 533.